

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей

МОНГОЛЬСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт истории и археологии

**MINISTRY OF EDUCATION,
CULTURE, SCIENCE
AND SPORTS**

**МОНГОЛОВЕДЕНИЕ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ:
РЕТРОСПЕКТИВА И СОВРЕМЕННОСТЬ**

Международный Круглый стол

10 июня 2019 г. Санкт-Петербург

ПРОГРАММА
ТЕЗИСЫ

Санкт-Петербург
2019

**ОРОСЫН ХОЛБООНЫ УЛСЫН
ШИНЖЛЭХ УХААНЫ АКАДЕМИ**
Дорно дахины гар бичмэлийн хүрээлэн

**МОНГОЛ УЛСЫН
ШИНЖЛЭХ УХААНЫ АКАДЕМИ**
Түүх археологийн хүрээлэн

MINISTRY OF EDUCATION,
CULTURE, SCIENCE
AND SPORTS

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГ ДЭХ МОНГОЛ СУДЛАЛ:
ӨНГӨРСӨН БА ӨНӨӨ ҮЕ**

2019 оны 6 сарын 10

Санкт-Петербург хот

**ХӨТӨЛБӨР
ИЛТГЭЛИЙН ХУРААНГУЙ**

Санкт-Петербург
2019

Г.С. КАРА-МУРЗА – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ХОЗЯЙСТВА И СОЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ
МОНГОЛИИ 1930-Х ГГ.

В 1931 г. в составе Монгольской экспедиции АН СССР был сформирован планово-экономический отряд. В круг стоявших перед ним задач входило обследование основных хозяйственных районов Монгольской Народной Республики, изучение и оценка перспектив развития ее экономики. В состав отряда, руководить работой которого специальным решением Секретариата ЦК ВКП(б) был назначен экономист П.В. Погорельский, вошли сотрудники московских институтов АН СССР и Коммунистической Академии². Среди них был и Г.С. Кара-Мурза, молодой исследователь, работавший в Коммунистическом университете трудящихся Китая им. Сунь Ятсена (КУТК).

Георгий Сергеевич Кара-Мурза родился в 1906 г. в Москве. По окончании Московского института востоковедения в 1930 г. он был принят научным сотрудником в КУТК и вскоре откомандирован в состав Монгольской экспедиции. По возвращении из Монголии в 1932 г. начал преподавать в Московском институте востоковедения и в 1935 г. стал его профессором. В 1939-1941 гг. Г.С. Кара-Мурза – профессор МГУ и старший научный сотрудник Института истории АН ССР. С началом Великой отечественной войны ушел добровольцем на фронт. 22 августа 1945 г. погиб в авиационной катастрофе во время выполнения боевого задания политуправления 1-го Дальневосточного фронта по ведению пропаганды среди населения Северного Китая и военнослужащих японской Квантунской армии.

Г.С. Кара-Мурза прежде всего известен как исследователь новой и новейшей истории Китая³. Вместе с тем недолгая, но весьма плодотворная экспедиционная работа в МНР добавила к портрету Кара-Мурзы новые штрихи, характеризующие его как социолога и экономиста, внесшего вклад в изучение Монголии. В собрании Архива востоковедов Института восточных рукописей РАН в фонде П.В. Погорельского среди материалов Монгольской экспедиции хранится принадлежащий авторству Г.С. Кара-Мурзы отчет о полевых исследованиях социально-экономической ситуации в Восточном аймаке МНР в 1931 г.⁴ Следует заметить, что Монголия в то время переживала один из наиболее сложных и драматических периодов новейшей истории. В стране происходили инициированные государственными властями широкие общественные преобразования, названные впоследствии «левым уклоном»: массовая насильственная коллективизация аратских хозяйств, антибуддийская кампания, конфискация имущества монастырей и бывших князей. Из-за неурядиц с колхозами, гонений на лам и «светских феодалов» во многих районах МНР начались антиправительственные восстания. Население приграничных районов, пользуясь отсутствием охраняемой границы, массово бежало в Китай⁵.

2 Юсупова Т.И. Монгольская комиссия Академии наук. История создания и деятельности (1925-1953 гг.). СПб.: «Нестор-История», 2006, с.132.

3 Г.С. Кара-Мурза опубликовал больше ста научных работ. Основные из них: Тайпины. Великая крестьянская война и Тайпинское государство в Китае 1850–1864 гг. М.: Учпегдиз, 1941; Тайпины. Великая крестьянская война и Тайпинское государство в Китае 1850–1864 гг. М.: Учпегдиз, 1950; К вопросу о классовой сущности суньятсенизма / Проблемы Китая, 1931, №6-7.

4 Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН в Санкт-Петербурге, ф. 104, оп. 1, ед. хр. 248.

5 Рошин С.К. Политическая история Монголии (1921-1940). М.: Институт востоковедения РАН, 1999, с.252.

Материалы, собранные экспедицией АН СССР, в том числе и упомянутый отчет Г.С. Кара-Мурзы, с нашей точки зрения, интересны малоизученными сведениями, свидетельствующими о существенной деформации традиционного монгольского общественного уклада, вызванной «левым уклоном». Одним из таких свидетельств могут служить подробные статистические данные о социальном составе и имущественном положении населения Восточного аймака, которые удалось собрать Кара-Мурзе. Согласно этим данным, в сомоне Ар-Джиргалангту, входившем в состав упомянутого аймака, числилось 19 «феодалов». К их числу «в большинстве случаев относились тайджи и несколько духовных лиц, среди которых был один конфискованный хубилган»⁶. Материальное положение всех этих «бывших феодалов» в 1931 г. было незавидным, поскольку сумма ежегодного подоходного налога, уплачиваемого ими всеми, составляла 546 тугриков. Вместе с тем избежавший конфискации богатый скотовод Батхуяг, не записанный властями в «феодалы», с доходов от одного лишь своего хозяйства за год внес в казну 8955 тугриков и 80 мунгу⁷.

Хотя в 1931 г. в Монголии существовали многочисленные ограничения и запреты наемного труда, но в юрте Батхуяга автором отчета были замечены несколько посторонних людей, которые помогали хозяину в домашней работе и в уходе за скотом. На вопрос о том, кто эти люди, богатый хозяин отвечал, что «это его знакомые из ближайших юрт приходят к нему как к себе домой». Будучи спрошенным о количестве таких «бескорыстных помощников», Батхуяг затруднился с ответом, но предположил, что таковых гораздо больше ста⁸. Из приведенных обстоятельств Кара-Мурза сделал вполне обоснованный вывод, что институт найма бедных скотоводов богатыми путем раздачи скота на выпас продолжал процветать вопреки противодействию властей. Заметим, что бороться с подобными явлениями в тогдашней Монголии было бесполезно уже хотя бы потому, что согласно оценке имущественного положения жителей сомона Ар-Джиргалангту, содержащейся в цитируемом отчете, треть из них относились к беднейшей категории и могли прожить лишь за счет ухода за скотом богачей.

Опрос скотоводов из числа бедняков и середняков, проведенный Г.С. Кара-Мурзой, выявил и еще один любопытный феномен. Представители этой социальной группы на просьбу «сравнить жизнь до революции и сейчас», как правило, отвечали, что их нынешнее существование значительно легче прежнего. Главным аргументом, приводимым в обоснование таких ответов, было то, что раньше приходилось платить непомерные налоги, поскольку «феодал мог в любой момент прислать человека и угнать любое количество скота». «Сейчас же, - говорил один из интервьюируемых, - жить ему стало гораздо лучше в том смысле, что он заранее знает, сколько должен заплатить налога».⁹ Другой арат, прежде состоявший в качестве хамджилга (прислуги при табуне и кухне) у родовитого тайджи, сообщал, что был обязан вместе со своей семьей собирать и разбирать юрту князя при перекочевках, пасти скот и выполнять всякую другую работу по его поручению. После революции, когда был издан закон об освобождении хамджилга, арат покинул своего тайджи, и тот «обеднел, даже собаки не имея»¹⁰. Впрочем, следует учесть, что Кара-Мурза не знал монгольского языка, беседовал с аратами через переводчика, а потому вряд ли мог вызывать у них доверие и желание поделиться сокровенными мыслями о прошлом и о происходивших вокруг событиях. Но все же, в записанных им высказываниях небогатых скотоводов сквозит их недовольство

6 Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН в Санкт-Петербурге, ф. 104, оп. 1, ед. хр. 248, с. 25.

7 Там же, с. 5.

8 Там же, с.6-7.

9 Там же, с. 8.

10 Там же с. 50-51.

собственным незавидным материальным положением и, в общем, толерантное отношение к политике властей, декларировавших возможность достижения всеобщего равенства за счет «раскулачивания» представителей прежних общественных верхов. Отсюда, вероятно, проистекает то обстоятельство, что именно конфискация крупного скотовладения не привела в Монголии к немедленному возникновению столь же массовых протестов, как иные «левоуклонистские» реформы.